

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Преступник поклялся говорить правду! — провозгласил судебный пристав.

И стены огромного величественного церемониального зала древних арагонских королей Тинель в Барселоне отозвались эхом его слов. Грандиозность зала была призвана подчеркнуть малозначительность посетителей независимо от того, являлись ли они послами или вассалами, а также служила для устрашения. Тем не менее короля там уже не было.

То место, откуда ранее монарх вершил правосудие, превратилось в логово дракона, обиталище многоголового монстра, который терроризировал город. Теперь здесь вершила свои дела инквизиция. Тронное место занимали стул и грубый стол, которые располагались на помосте, возвышавшемся на три ступеньки над каменным полом. Балдахин из черной материи укрывал сзади и сбоку этот помост, защищая сооружение от холода и порывов ветра. Именно там восседал инквизитор.

Монах-доминиканец в белом одеянии с черным капюшоном, опущенным на лицо, казалось, был полностью безразличен к тому, что творилось вокруг него, и неслышно шевелил губами,

читая тексты из своей молитвенной книги. Вечер был дождливым, и мертвенного света, проникавшего через большие окна, расположенные справа от монаха, явно не хватало, поэтому свет лампы, стоявшей на столе, помогал человеку.

Монах лишь через некоторое время после возгласа судебного пристава отвел глаза от книги, буквально пронзив взглядом осужденного. Лампада освещала его лицо снизу, и ее свет подчеркивал выступающий подбородок, крючковатый нос и нависающие кустистые брови.

— Кто ты? — спросил он сурово.

Человек, стоявший перед ним, уловил движение перьев, царапавших бумагу: писцы инквизиции торопились запротоколировать допрос.

— Жоан Серра. — Произнеся свое имя, человек еще больше расправил плечи. Вид этого зала вызвал в нем трагические воспоминания, связанные с событиями, происшедшими в далеком детстве, когда он был совсем еще ребенком, корчившимся от ужаса. С тех пор прошло много лет и он изменился. И сейчас он смотрел судье прямо в глаза, с вызовом.

— Жоан Серра — и?.. — спросил монах.

— Жоан Серра де Льяфранк, — твердо ответил человек.

Инквизитор оглядел обвиняемого с интересом. Обычно подсудимые со страхом смотрели на него, но этот, похоже, ничего подобного не испытывал. Он был высок и силен, на его лице выделялся крупный нос, слегка сплюснутый, возможно, от полученного когда-то удара и придававший его лицу отважный вид. У него были каштановые волосы до плеч и густые брови над темными кошачьими глазами, смотревшими пристально, не отрываясь, в глаза монаху.

— Чем ты занимаешься?

— Я владелец книжной лавки.

— Ах, книжной лавки! — повторил инквизитор. Тон его голоса был угрожающим, как будто он хотел этим своим замечанием тут же превратить стоявшего перед ним человека в виновного.

Жоан посмотрел вправо. Анна, его любимая супруга, конвоируемая двумя солдатами инквизиции, не сводила с него глаз. Он подумал о железных браслетах, которые наверняка изранили ее запястья. Прекрасные зеленые глаза Анны наполнились слезами, и оба супруга несколько секунд смотрели друг на друга с нежностью. Каким же выразительным был этот взгляд! Как будто за одно короткое мгновение они снова прожили долгие годы, полные любви. После этого человек снова обратил взгляд на монаха, наблюдавшего за ним с высоты помоста и смотревшего на него так, как стервятник смотрит на свою добычу.

— Да. Владелец книжной лавки и печатник.

— Печатник! — Тон инквизитора еще больше посуровел.

— Да. Книжник и печатник, — повторил Жоан. — И вместо каждой из сожженных вами книг я напечатал и распространил десять новых.

У монаха от изумления отвисла челюсть. Он смотрел на Жоана с открытым ртом. Никто не осмеливался говорить с ним в таком тоне. Никто не бросал вызов своему инквизитору. Этот безумец говорил ему прямо в лицо слова, которые у других он вырывал с помощью пыток.

Но Жоан не смотрел на монаха, его взгляд был обращен на Анну, которая тихо застонала, услышав его ответ. Анна горестно качала головой, не веря своим ушам; она только что осознала, чего ее муж добился этим самоубийственным заявлением. Он постарался поддержать ее еле заметной улыбкой, но тут же его внимание привлек один из солдат инквизиции, охранявших Анну. Это был огромный рыжий человек с большим брюхом; он смотрел на него своими темными, налитыми кровью глазами, а его губы расплывались в торжествующей улыбке: Фелип Гиргос, приспешник инквизитора и злейший враг книготорговца, с удовлетворением наблюдавший за окончательным поражением Жоана. Однако этот убийца уже не занимал мыслей Жоана. Вновь обращаясь к монаху, который так и не проронил ни слова, он сказал:

— А когда меня не станет, мои товарищи по цеху продолжат наше дело до тех пор, пока книги и просвещение не покончат с вашей инквизицией.

Инквизитор закрыл рот и стиснул зубы. Ему трудно было поверить в то, что он видел и слышал. Его удивляли бесстрашие и отвага этого человека. Монах, нахмутив брови, молчал, но слова продолжали звучать внутри него. Он пристально вгляделся в того, кто станет его следующей жертвой. Человека, который гордо стоял перед ним, расправив плечи и высоко подняв голову.

На долю секунды он увидел в его глазах предсказанное будущее — то роковое время, когда свободно издающиеся книги повергнут инквизицию и покончат с ней. Вдруг монах осознал, что это время придет, и почувствовал страх. Затем — ярость.

— Ты соришь на костре! — прорычал он.

Жоан кивнул, и инквизитору показалось, что улыбка пробежала по губам человека, который должен был дрожать от страха, а не смотреть на него с вызовом.

Монах поднялся со своего стула и, пылая гневом, швырнул бумаги и книгу на пол. Огонь раскачивающейся на краю стола лампы опасно заметался. Свет от него бросал зловещие тени на лицо монаха.

— Ты соришь! — надрываясь в крике, повторил он. — Ты понял меня? Тебя сожгут живьем!

Обвиняемый снова кивнул в знак согласия. Он все прекрасно понимал, ведь именно этого он и добивался. Его спокойствие и уверенность в себе еще больше разъярили судью, и он обрушил на стол свой кулак.

Лампада упала, и лицо монаха скрылось в тени от его капюшона и нависающего над столом балдахина. Лампадное масло разлилось по книге и бумагам инквизиции, упавшим на пол, и все это занялось пламенем. Солдаты бросились гасить огонь, в то время как инквизитор в ярости рычал в своей темной пещере. Жоан снова обратился к жене, которая смотрела на него с нежной грустью. Он полюбил ее с того момента, когда

впервые увидел, и всегда отчаянно желал разделить свою жизнь только с ней. И вот сейчас он готовился вместе с ней встретить смерть. Конечно, Жоан осознавал, что предъявленное ему обвинение, которое привело к тому, что он оказался перед лицом инквизитора, означало легкую смерть без страданий. Но в то же время понимал, что его жене грозило совсем другое наказание — по вине этого проклятого рыжеволосого человека.

Анну безжалостно сожгут на костре, даже не предоставив возможности умереть до применения к ней пыток — чести, которой удостоиваются признавшие вину. Она будет сожжена на костре живьем — вот что ее ожидает. И он тоже — после брошенного им вызова. Он боялся огня, но еще больше того, что в последние мгновения жизни она останется одна...

Анна смотрела на него влажными от слез глазами и качала головой, не веря в то, что с ними происходит, но в то же время пытаясь улыбнуться мужу с нежностью. Она знала, что Жоан все сделал для того, чтобы разделить с ней ужаснейшую из смертей. Он хотел быть с ней рядом до конца.

Жоан подскочил на кровати. Он тяжело дышал, на теле выступил пот. Страшный сон, приснившийся ему, был до ужаса реален и напоминал ему тот ночной кошмар, который не давал уснуть несколько дней назад. Было ли это предчувствием, предупреждением о том, что его ждет в недалеком будущем?

Он напомнил себе, что они в Риме, в полной безопасности, что инквизиция и Фелип, этот рыжеволосый убийца, остались далеко, в Испании, куда он уже никогда не вернется.

Был конец октября, лучи рассветного солнца пробивались через оконца комнаты, и Жоан различал в теплом полумраке спавшую Анну, черные, цвета воронова крыла волосы которой рассыпались веером по подушке. Она была несравненно хороша. Он хотел приласкать жену, но не осмелился, боясь, что его прикосновения разбудят ее. Лишь взгляд Жоана неслышно поведал о его чувствах.